09 1990

1 1 8

ТУ–19–241–82

1

2

студия
ДИАФИЛЬМ

Л. ТОЛСТОЙ

Булька

(по мотивам детских
рассказов писателя)

Художник Б. ИГНАТЬЕВ

Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой писал не только для взрослых, но и для детей. История, которую вы сейчас узнаете,—это несколько случаев из рассказов, написанных Толстым о собаке Бульке. Рассказ ведётся от имени офицера-охотника.

...У меня была мордашка. Звали её Булька. Я взял её щенком и сам выкормил. Нижняя челюсть у Бульки так выдавалась вперёд, что палец можно было заложить между нижними и верхними зубами.

Один раз Бульку пустили на медведя, и он вцепился медведю в ухо и повис, как пиявка.

Медведь бил его лапами, прижимал к себе, кидал из стороны в сторону, но не мог оторвать и повалился на голову, чтобы раздавить Бульку.

Но Булька до тех пор на нём держался, пока его не отлили холодной водой.

Когда я ехал служить на Кавказ, я не хотел брать его и ушёл от него потихоньку, а его велел запереть.

На первой станции, где меняли лошадей, я увидал, что по дороге катится что-то чёрное и блестящее.

Это был Булька в своём медном ошейнике. Он бросился ко мне, лизнул мою руку

и растянулся в тени под телегой. Язык его высунулся. Он то втягивал его назад, глотая слюни, то опять высовывал на целую ладонь.

Я узнал потом, что он пробил раму и выскочил из окна и прямо, по моему следу, поскакал по дороге и проскакал так вёрст двадцать в самый жар.

Один раз на Кавказе мы пошли на охоту за кабанами, и Булька прибежал со мной.

Осенью кабан так бывает жирен, что недолго может бегать. Когда его собаки погоняют часа два, он забивается в чащу и останавливается.

Тогда охотники бегут к тому месту, где он стоит, и стреляют. Я тоже побежал на протяжный лай и вой гончих. Мне уже слышен был треск по чаще.

Вдруг я услыхал — зашуршало что-то сзади, и увидал Бульку. Он слышал лай собак и так же, как я, что было духу катился в ту сторону.

Я окликнул его, но он не оглянулся и скрылся в чаще. Я побежал за ним.

В самой глухой чаще леса я увидел пёструю гончую собаку. Она лаяла и выла на одном месте, и в трех шагах от неё возилось и чернело что-то.

Кабан захрюкал и бросился на гончую, гончая поджала хвост и отскочила.

Я выстрелил, кабан хрюкнул и затрещал прочь от меня по чаще.

Вдруг почти у себя под ногами я увидел Бульку. Он лежал на боку и визжал. Под ним была лужа крови.

Я подошёл к нему, присел и посмотрел ему рану: у него был распорот живот...

Мы зашили Бульке живот, и, пока зашивали, он всё лизал мне руки.

Затем его положили на лошадь и так привезли домой.

Булька проболел недель шесть и выздоровел. Для охоты на фазанов я завёл себе лягавую. Звали её Мильтон. С Булькой они не грызлись.

...Была месячная ночь с туманом, и было так светло, что читать можно. Казачья станица спала.

Мы с приятелем сидели на улице перед моей хатой. Среди ночи мы вдруг услыхали, что через улицу на дворе пищит поросёнок. «Это волк душит поросёнка!»—сказал приятель.

Я побежал в хату, схватил заряженное ружьё и выбежал на улицу. Все стояли у ворот того двора, где пищал поросёнок. «Сюда!»—кричали мне.

Мильтон и Булька бросились за мной. Когда я подбежал к плетню, я увидел, что с той стороны двора прямо ко мне бежит волк.

Он подбежал к плетню и вскочил на него. Я приготовил ружьё.

Как только волк соскочил с плетня на мою сторону, я приложился почти в упор и спустил курок; но ружьё сделало «чик» и не выстрелило.

Волк не остановился и побежал через улицу. Мильтон и Булька пустились за ним. Сквозь туман мы увидели, что поднялась пыль и что собаки возились с волком.

Когда мы подбежали, волка уже не было... Мы осмотрели собак и нашли, что у Бульки на голове была маленькая рана.

Мы вернулись назад к хате, сидели и разговаривали. Старый казак говорил, что тут нет ничего удивительного, что это был не волк, а что это была ведьма и что она заколдовала моё ружьё.

Вдруг собаки бросились, и мы увидели на середине улицы опять того же волка, но в этот раз он от нашего крика так быстро побежал, что собаки уже не догнали его.

Я подумал, что не бешеный ли это был волк, потому что я никогда не видывал и не слыхивал, чтобы волк, после того как его прогнали, вернулся опять на народ.

На всякий случай я посыпал Бульке на рану пороха и зажёг его. Порох вспыхнул и выжег больное место с волчьей слюной. 36

Из станицы я поехал не прямо в Россию, а в Пятигорск. Мильтона я подарил казаку-охотнику, а Бульку взял с собой.

Жил я в слободе в маленьком домике. Перед окнами был садик, а в саду стоя́ли хозяйские пчёлы в круглых ульях-плетушках. Пчёлы там так смирны, что Булька спокойно ходил промежду ульев.

Но скоро Булька стал скучать и стал лизать всё, что ему попадалось. Он лизал мне руки, но не так, как прежде, когда ласкался. Видно, ему нужно было кусать руку, но он не хотел.

Я не стал давать ему руки. Тогда он стал лизать мой сапог, ножку стола и потом кусать их. Это продолжалось два дня...

А на третий день он пропал. Случилось это через шесть недель после того, как его укусил волк. Стало быть, волк точно был бешеный и слюна его успела попасть в кровь Бульке. Охотники говорят, что когда умная собака начинает беситься, то она убегает в поля или леса и там ищет травы, какой ей нужно, вываливается по росам и сама лечится.

Видно, Булька не смог вылечиться. Он не вернулся и пропал.

Сценарий А. ВАСИЛЬЕВА
Художественный редактор В. ДУГИН
Редактор Т. СЕМИБРАТОВА
Д-215-85

103062, Москва, Старосадский пер., 7